

Сергей Сюрсин

ФАНТАСТИКА

Разбуди Спящего

Сергей Сюрсин
Разбуди Спящего

«Издательские решения»

Сюрсин С.

Разбуди Спящего / С. Сюрсин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932913-4

Найдена планета для переселения. Но переселенцы не могут выжить на новой планете. Причина — микрофлора планеты убийственна для человека. Но одному человеку удастся все изменить. Оказывается, микрофлора обладает коллективным Разумом. И человеку удастся договориться с этим Разумом. Серия про Спящего продолжается.

ISBN 978-5-44-932913-4

© Сюрсин С.
© Издательские решения

Разбуди Спящего

Сергей Сюрсин

Дизайнер обложки Игорь Михеев

© Сергей Сюрсин, 2018

© Игорь Михеев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-2913-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Грохот дюз смолк, и наступила гулкая и тягучая тишина. Пассажиры зашевелились, не выдерживая томительного ожидания. Некоторые, отстегнув ремни, уже поднялись с кресел и расхаживали меж рядов. Разговоры теклись вяло, мысли были заняты окончанием долгой многолетней экспедиции.

Наконец, люк каюты распахнулся, и в узкий проход протиснулся здоровенный морпех.

– Всем внимание! – зычным голосом произнес он. – Я полковник Смит. На период выгрузки вы поступаете в мое полное подчинение. Мои команды выполнять немедленно. Приказы не обсуждаются. Всем понятно?! – грозно закончил он.

– А если не получится? – отозвался с места Олег. – Извините, но мы – люди штатские, гражданские. На войну не записывались. Строевым шагом ходить не умеем. И честь отдавать не обучены.

– Разговорчики! – прорычал полковник. – Встать!

Олег нехотя поднялся с кресла и встал в стойку «небрежно», иронически ухмыляясь.

– Фамилия! Должность!

– Дымов Олег. Биолог. Вольноопределяющийся, – отрапортовал Олег, шутливо вскинув руку к виску, и добавил, – «Сэр» говорить надо?

– Надо. Отныне, – обратился полковник ко всем, – вы поступаете на службу. База находится на военном положении.

– С чего это вдруг? – возразил Олег. – Нам об этом ничего не говорили. Мы сюда прилетели осваивать планету, наш новый мир. А не устраивать войнушки с кем-то. Хватит уже, на Земле довоевались до того, что угробили свой мир и теперь вынуждены перебираться на другой.

– Истинного положения здесь вы не знаете. Все ответы получите на конференции. А пока – полное подчинение. Особо ретивые, – полковник кинул взгляд на Олега, – понесут наказание. Одеть скафандры! Строиться! – скомандовал он. – В колонну по двое. Быстро! А ты, – ухмыльнулся Смит Олегу, – будешь, похоже, моим любимым рекрутом. Жаль, ненадолго.

Прибывших погрузили в наглухо закупоренные бронированные вездеходы и доставили к терминалу базы. Затем был долгий процесс дезинфекции. Камера химзащиты, огневая, морозильная. С полчаса пришлось торчать под ультрафиолетовым облучением. Скафандры выдержали дезинфекцию, но прибывшие, освобождаясь, наконец, от их тяжести, были вконец раздражены. Недовольные возгласы и перепалка раздавались все чаще. Ведь затем последовала дезинфекция обнаженных тел. С полным удалением всей волосистой растительности, что вызвало общее возмущение, но было быстро подавлено взводом солдат. После дезинфекции все стали похожи на безликую человекообразную массу.

Вдобавок ко всему вместо привычной одежды всем выдали армейскую униформу.

Обед немного притушил накал страстей, но полностью от недовольства не избавил. И конференция началась с недовольных криков «обиженных и оскорбленных».

– Я, – объявил полковник Смит, – начальник базы. Я командую всеми, решаю все вопросы. База на военном положении. И любое неподчинение или неисполнение моих приказов будет сурово наказываться. А сейчас слово представляется руководителю научно-исследовательского сектора, профессору Мальцеву.

Поскрябав пятерней свой лысый череп, Мальцев приступил:

– То, что вы знаете о планете, то, к чему вас готовили на Земле, – не совсем соответствует действительности. Действительно то, что планета удивительно схожа с Землей. По климату, атмосфере, природе. Что дало землянам надежду на переселение с загаженного, перенаселенного мира с почти уничтоженной природой и озоновым щитом в этот новый, чудный и свежий мир. Но все оказалось не так просто. Эта планета не желает принять человека и отторгает его как чужеродный продукт. Первые две экспедиции, обманутые кажущейся безобидностью этого мира, погибли. Люди умирали от неизвестных болезней. Эпидемии, от которых не было лекарств, полностью уничтожили составы этих экспедиций. Потому в дальнейшем было решено отказаться от гражданской анархии и передать управление военным. Так что прошу не роптать и довериться им, а уж они позаботятся о сохранении наших жизней. Ведь вы все – слишком ценный груз. В каждого из вас вложены большие деньги и труд миллионов граждан Земли. Не подведите их. Берегите себя!

Посыпались вопросы.

– Выйти-то можно? – спросил кто-то. – Хоть одним глазком глянуть на новый мир?

– Выходить разрешается только по работе и в составе группы, – ответил Мальцев. – Но, думаю, это желание вскоре у вас пропадет. По причине сложной процедуры дезинфекции.

– На какой стадии завершения находится процесс освоения планеты? – послышался следующий вопрос.

– Г-м... – профессор замялся, – можно сказать, на начальной.

– Как? Почему? Что случилось? – понеслись вопросы.

– На сегодня все! – прервал обсуждение генерал. – Ответы на все вопросы найдете позднее. А сейчас будет распределение прибывших по рабочим местам и жилым зонам. Отдыхайте, осваивайтесь, знакомьтесь с базой. Это теперь ваш дом. И надолго. К работе приступать завтра с утра.

Каюта, выделенная Олегу, сразу нагнала тоску. Помещение размером полтора на два метра, большую часть которого занимала двухъярусная кровать, производила гнетущее впечатление.

– Как нары в тюрьме, – проворчал он. Бросив чемодан на кровать, он отправился знакомиться с базой.

База представляла собой группу куполов-полусфер. В центре располагался самый большой купол, бытовой. Здесь находились жилые отсеки, столовая, конференц-зал, спортивные секции. В общем, все то, что необходимо, чтобы человек чувствовал себя более-менее комфортно. Радиально от центра располагались купола поменьше, соединявшиеся с центром герметичными тоннелями. В этих куполах находились различные лаборатории. Пройти в такие лаборатории было можно лишь через дезинфекционные камеры.

– Биологическая защита здесь поставлена на высокий уровень, – констатировал Олег, – хотя и причиняет массу неудобств.

Лишний раз лезть в такую камеру у Олега желания не возникло, потому он ограничился центром. В столовой он уже был, потому отправился в спортзал. Хоть во время полета экипаж корабля держали при давлении воздуха в две атмосферы, дополнение тяжести в натуральные

два g на планете оказалось переносить сложнее. Неподъемный баскетбольный мяч, неуклюжие прыжки со скакалкой... К штанге и батуту Олег решил даже не подходить.

– Надо бы уделить спорту особое внимание, – пробормотал он, сравнивая, как уверенно держатся старожилы и по-детски неуклюжи и слабы вновь прибывшие, – но это не сегодня. Лучше завтра.

Слоняться неприкаянно по коридорам и отсекам среди спящих туда-сюда людей вскоре надоело. Олег отправился в свою конуру.

Оказалось, его житию-бытию не грозит одиночество. В каюте он застал еще одного жильца.

– Вент, – представился тот, – Астроном.

– Олег, биолог, – отозвался Олег, пожимая тому руку. – Сосед, значит?

– Скорее, сожитель, – сострил Вент. – Нам теперь по жизни придется быть вместе. Пока смерть не разлучит нас, – он шутливо сложил ладони и закатил вверх глаза.

– Чую, с тобой скучно не будет, – одобрил Олег. – Я тоже люблю поёрничать.

– А иначе тут никак нельзя. С ума можно сойти. Вот и развлекаемся, кто на что горазд.

– Давно ты здесь?

– Третий год.

– Ого! Старожил, значит?

– Скромностью меня бог не обидел, потому могу ответить утвердительно. Хотя есть такие, кто торчит здесь и десять, и пятнадцать лет. А кто и вообще помер.

– Состарился?

– Нет, что ты! До старости пока еще никто не дотянул. Здесь в основном умирают от болезней. Но контингент постоянно пополняется новым «пушечным мясом». Типа тебя.

– Сравнил, – усмехнулся Олег. – Мы – пушечное мясо?

– А ты не задавался вопросом – почему корабли летят с Земли только в одну сторону, на Новую? Почему никто не возвращается?

– Ну, так ясное дело – осваивают новую планету, обживают новые территории.

– И много мы обжили-освоили за это время?

– Насчет этого данных нет.

– Естественно. Земля Новую так разрекламировала. Как будущее человечества. Свою загадили, уничтожили, теперь за другую взялись. И под эту мерку можно продолжать гадить под себя, уничтожать то, что еще не уничтожено, что еще пытается выжить. И осваивать бюджет, распиливать неслыханные суммы. Бизнес, как говорится, ничего личного.

– Утрируешь, брат!

– Ничего не утрирую. Правда, ничего кроме правды. Истину говорю я тебе, внемли! Насколько мы расширили свое присутствие здесь за шестьдесят лет со времени первой экспедиции?

– Этого нам не говорили.

– И не скажут. Потому что тайна. Теперь уже можно, так как эту тайну ты уже не в силах кому-либо поведать. Так вот, ответ – ни на сколько! – Вент взволнованно заходил по отсеку, вынудив Олега вскарабкаться на кровать с ногами. – Ни на сколько-ко! – отдельно, по слогам повторил он. – Даже наоборот, уменьшили. Из всех трех станций, созданных изначально, сохранилась одна. Наша. Остальные уже не существуют. Связь с последней станцией оборвалась около года назад. И теперь наша станция – единственный форпост человечества на Новой.

– А в чем причина? – спросил Олег. – Не выясняли? Ведь можно было слетать туда. Разобраться. Спасти уцелевших.

– Какой смысл? Рисковать своими жизнями? И так все ясно.

– Что ясно?

– Отчего погибли две первые экспедиции? Отчего погибли эти две станции? – Вент остановился и впери́л свой взгляд в Олега. – От эпидемий. От слабой биологической защиты. От отсутствия необходимых лекарств и вакцин. Здесь каждый микроб – патоген. Опасен для человека. А вы, биологи, никак не можете создать такое лекарство, такой антибиотик, который смог бы уберечь организм от здешней убийственной микрофлоры. – Вент отвернулся. – Только мрете как мухи.

– Что ты сказал?

– Что слышал, – угрюмо отозвался Вент. – Мрете. Работаете, а толку никакого. И умираете, соприкасаясь с местными бактериями. Ведь не зря же половина прибывших – биологи. Надо пополнить популяцию, поредевшую в войнах с местной жизнью. И ты умрешь скоро, я уверен.

– Я так не думаю.

– Все так не думают. Вернее, не думали. Ты у меня уже третий постоялец-биолог. Вот так-то, если откровенно. Тут думай – не думай, а конец пути известен, – Вент усмехнулся. – Гроб с твоими останками на Землю доставлен не будет. Сгорит в топке местного крематория.

– Утешил, мать! – выругался Олег. – Воодушевил! Возрадовал!

– Успокойся, – вздохнул Вент. – Ты не одинок. У нас у всех билет в одну сторону, назад пути нет. – Он глянул на часы. – Скоро свет выключат. Давай ко сну готовиться. А то придется потом в темноте шарахаться. Здесь как в казарме, порядок один на всех.

– Мне где спать? – спросил Олег.

– На верхней полке. Нижнюю я уже давно пригрел, привык к ней. Хотя... – Вент окинул тщедушную фигурку Олега, – на Земле что, уже нормальные биологи закончились? Каких-то худосочных присылают. Пожалуй, полезу я наверх. При нашей гравитации тебе будет нелегко даже на первую ступеньку вскарабкаться.

– Пожалуй, – Олег с восхищением окинул взглядом обнаженный мускулистый торс Вента. – Мне бы такой.

– Будет, – отозвался Вент, забираясь на верхний ярус. – Если в спортзал будешь почаще наведываться. При двух «же» форма быстро набирается.

Свет внезапно погас.

– Вовремя успели, – послышался голос Вента. – Там в изголовье ночник, включи.

Поискав, Олег нашел прикрепленный к стене ночник и включил. Каюта озарилась бледным призрачным светом.

– Слабовато.

– И то хорошо. Это я сам сделал. Не люблю темноту, убивает. Запрещено, никому не говори. А то можно в карцер угодить. Там и днем света нет.

– Здесь карцер есть?

– А как же иначе-то? Мы же теперь военные. А военным карцер положен по штату.

Сон у Олега был беспокойный. Сказывалось окончание полета и прибытие, новая обстановка, новые впечатления, а также непривычная тяжесть. Снились какие-то непонятные образы, сопровождаемые гулом и неясным бормотанием. Утром Олег еле поднялся. Голова была тяжелая, наполненная чем-то непонятным.словно после долгой и тяжелой работы.

– Ничего странного, успокоил его Вент. – Такое наблюдается у всех новичков. Со временем пройдет. Сходи в медотсек, там тебе таблеток дадут. Помогает.

Олег поступил в распоряжение второй биологической лаборатории.

– Задача у нас простая, – объяснил Мальцев собравшимся вокруг новичкам, – найти вакцину против здешних бактерий. Микрофлора здесь иная, нежели на Земле. Иммунитета перед ней человек не имеет. У нас выработан иммунитет от земных бактерий и вирусов, но от здеш-

них – нет. И перед нами стоит задача создать такой иммунитет искусственным путем. Только по этой причине пока задерживается переселение сюда человечества Земли.

– Мы уже шестьдесят лет осваиваем эту планету, – задал Олег неудобный вопрос, – а воз и ныне там. Почему?

– Правильный вопрос, – согласился профессор. – Но не думайте, что здесь собрались одни неучи, неспособные создать простое лекарство. Вакцину мы создавали, и не один раз. Но, – Мальцев потерял свой крючковатый нос, – не получается. Не получается создать крепкую и долговечную вакцину. Здешние бактерии словно вирус гриппа. Имеют простейшую ДНК, легко мутируют. Постоянно видоизменяются, вырабатывают иммунитет против наших вакцин. Причем очень быстро. Только разработаем, опробуем, глядишь – вакцина уже не действует. Вот в чем проблема. И перед нами стоит задача выработать устойчивую вакцину. Чем вы и будете заниматься. Прошу обратить особое внимание на предельную осторожность. Неосторожное обращение с опытными образцами повлечет неминуемую смерть не только одного из вас, но и окружающих. Противоядия от них нет.

Работа у Олега была простая – брать образцы местной микрофлоры и подвергать их воздействию различных препаратов. Препараты имелись в фонде базы, постоянно пополняемом новыми синтезированными образцами, которые создавали здешние микробиологи и генетики, а также прибывшие с экспедицией Олега.

Наступила обычная рутинная жизнь. Завтрак, работа с исследуемым материалом, обед, опять работа. Затем поздний ужин в восемь вечера, спортзал и сон. Монотонность череды дней утомляла. А выходить наружу без надобности запрещалось. Олег еще ни разу не выходил и даже не имел представления, как выглядит окружающий мир, в который его занесло. Не смотрел в затянутое облаками небо, не бродил в густом девственном лесу планеты. Хорошо еще, что хоть ее воздухом дышит, хоть и тщательно отфильтрованным и пропущенным через дезинфекционные камеры. Воздух планеты почти не отличался от земного, за исключением избытка кислорода, но это несоответствие легко устранялось. Как устранялись запахи и ароматы леса, которые тоже могли нести в себе угрозу человеческому организму. Препарированный воздух мало чем отличался от корабельного, но все-таки не был синтетическим.

Привыкал Олег и к постоянной тяжести. Крепли кости, мышцы наливались силой. А однажды ему даже удалось забросить баскетбольный мяч в кольцо.

Не получалось только со сном. Олег поначалу налег на таблетки и несколько ночей спал спокойно. Пока Вент не предупредил его:

– Ты особо на них не налегай. На Земле их применяют в психбольницах для успокоения буйных.

И Олег прекратил принимать таблетки. Было нелегко. Опять навалились тяжелые сны, нераспознаваемое бормотание, шумы. Но пусть лучше будет это, чем постепенное отупение и деградация личности.

– Ты бывал снаружи? – спросил Олег.

– За три года? – удивился Вент. – Бывал, конечно, и не один раз.

– И как там?

– Да так, – Вент помолчал. – Ничего необычного. Серый мир, серое в облаках небо. Оно здесь всегда облаками затянуто, так как атмосфера толще земной в несколько раз. Просветы бывают, но очень редкие и кратковременные. Я только в такие моменты и могу наблюдать небо. Но зато лес... Это надо видеть. Не хилые деревца Земли. Густой, непроходимый лес. Девственная природа. Но до леса еще дойти надо. К тому же не подпускают. Здесь в радиусе километра все вычищено. Растительность выжжена и выкорчевана. Так что леса отсюда почти не видно, обычная земная пустошь. Которую, к тому же, регулярно выжигают огнеметами, чтобы никакая зараза не проникла.

– А из животного мира нашли кого-нибудь?

– Насколько я знаю, нет. За периметр редко кто выходит, а после гибели второй станции исследования вообще запретили.

– Мы тут как в мешке.

– Это точно.

Замолчали.

– Интересно, а чем тут может заниматься астроном, если небо постоянно затянуто облаками, звезд не видно?

– Иногда я тоже задаю себе этот вопрос. Как меня сюда занесло? – отозвался с верхней полки Вент. – Но раз занесло, так занесло. Назад, на орбиту, пути нет. Нет у нас челноков, движение одностороннее. Остается сидеть перед телескопом в редкие просветы да пытаться пробиться сквозь пелену другими методами. Раз на оптической частоте невозможно, можно попробовать на других частотах. Вот на них и пытаюсь. Составляю свою карту звездного неба, сравниваю с той, что присылают приборы с орбитальной станции. Так что скушать и есть хлеб на халяву не приходится.

– Нашел что-нибудь интересное в далеких просторах космоса? – улыбнулся Олег. – Или новую планету открыл, Коперник?

– Да так, – нехотя отозвался Вент. – Есть кое-что.

– Ну, выкладывай, – взмолился Олег. – Не томи!

– Да тут надо издалека начинать, – засомневался Вент, – чтобы тебе, неразумному, понятно было.

– Так времени у нас предостаточно, – настаивал Олег. – И даже больше, чем надо. Я весь внимание.

– Хорошо, – смирился Вент. – Попробую. В научной среде главенствует одна теория Вселенной – теория Большого взрыва.

– Знаю, в курсе.

– Так вот, эта теория ничего не объясняет. Абсолютно ничего. Ни возникновения звезд и планет, галактик, да и, по сути, самой Вселенной. Но очень напоминает Сотворение мира по Библии. И там и тут Вселенная возникла мгновенно, из ничего. Там – по мановению бога. Хлопнул в ладоши – и Вселенная появилась. Как у фокусника. Тут – бабах! – и на блюде готова Вселенная. Единственное их отличие друг от друга – в персонифицировании. Там персона присутствует – сам бог. Здесь – нет. Возможно, какой-то террорист. Заложил бомбочку, бабах! – и готово. В те далекие времена динамита не знали, теперь – знают. Потому, чтобы ученых не заподозрили в плагиате и религиозности, действующее лицо убрали и заменили обезличенным субъектом. В роде бы он есть, но вроде бы и нет. Получился простой персонифицированный бабах.

– Да ну и пусть. Большой взрыв никому не мешает.

– Еще как мешает! – воскликнул Вент. – Мешает понять, почему галактики различной формы – спиральные, дисковые, эллипсные, шаровые, туманности, наконец. Почему звезды разной величины, имеют ли они планеты. Откуда звезды берут и восполняют излучаемую в огромной мощности энергию? Вечны ли они?

Да и сами планеты вызывают массу вопросов. Как можно так удачно и для чего скомпоновать залежи золота, меди, железа и других полезных ископаемых? Бог это сделал? А оно ему надо? У него итак своих забот хватает, за людьми проследить не успевает. Откуда появилась вода для океанов? Можно ли безнаказанно истреблять леса, уничтожать природу и земную атмосферу? Впрочем, – Вент споткнулся, – ответ на последний вопрос мы уже получили.

Так вот, теория Большого взрыва ответов на эти вопросы не дает. По ней все образовалось мгновенно и остается неизменным навечно. И все. Не думай, веруй! Вот и доверовались, что

теперь ищем другую, годную для проживания планету. Так как свою угробили. Чтобы и эту, в свою очередь, загадить и уничтожить. Согласно теории Большого взрыва.

Но я как-то случайно откопал давнюю теорию износа Вселенной. Ее разработал один малоизвестный писатель-фантаст, к научным кругам не имеющий никакого отношения. Потому его теория нашими «светилами и отцами науки» была не признана и проигнорирована. А я вник. И понял ее правоту. И на мир стал смотреть по-другому, оценивая с точки зрения этой теории. За что, кстати, и был подвергнут обструкции и изгнанию из научных кругов. Ведь там как в зоне – шаг вправо, шаг влево – расстрел, обструкция, ссылка. Вся наука держится на мнениях «столпов науки», подчастую неверных, основанных на устаревших знаниях. Ведь никому не хочется лишиться престижной должности, кормушки, достатка. Коперники перевелись. Они, как ты верно заметил, сейчас обитают в местах весьма отдаленных. К примеру, на планете Новая.

– Ты, что ли?

– Ну, ты же назвал меня Коперником.

– А дальше.

– А дальше. В общем, я проводил свои исследования, основываясь на этой теории износа.

И нашел... – Вент усмехнулся.

– Что нашел?

– Планеты. Планеты этой солнечной системы.

– Да ну?!

– Согласно теории, каждая звезда имеет несколько планет. Их количество зависти от ее возраста. Наша звезда...

– Гелиос.

– Да, так ее назвали всенародным голосованием. Народ – это нечто такое... По уровню своему и развитию назвали. На ум-то ничего другого не пришло. Звезду – Гелиосом, планету – Новой. Или Землей два. Интересно, как мы будем себя называть в будущем – новляне или земледвойне? Маразм!

– Не отвлекайся.

– Сам отвлек. Итак, я составил график и построил кривую износа. Тут много данных не нужно. Пару начальных параметров, остальные рассчитываются по формуле.

– Каков результат? – торопил Олег.

– Новая имеет восемь планет. Две ближайшие уже нашел. Даже сквозь облака. Ищу остальные. Расстояние до них я знаю. Сложнее найти их в частотном диапазоне. Приходится искать втемную, набум.

– А как насчет самой Новой? Стоит ли она того, чтобы бороться за нее?

– Стоит. По расчетам, Гелиос будет светить в видимом диапазоне спектра еще триста миллионов лет. Затем его поверхность покроется таким слоем шлака и отходов от горения плазмы, что световое излучение уже не сможет проникнуть сквозь этот слой. Как сейчас солнечные лучи не могут проникнуть сквозь облака. Гелиос будет излучать в инфракрасном диапазоне. Будет тепло, но темно.

– Но без света и жизни не будет.

– Почему же? Период времени значительный. Изменения будут проходить постепенно и незаметно. И природа будет также постепенно и постоянно подстраиваться и приспособливаться к изменяющимся условиям.

– Что же мы так на Земле не приспособились?

– Этот писатель все подробно обрисовал. Причины явления Потопов и Ледниковых периодов, зависящая от них цикличность жизни на Земле, неразрывная связь природы и атмосферы, «озоновые дыры»...

– С «озоновыми дырами» мы уже разобрались – перестали использовать фреон.

– Разве?

– Ну да. Так пресса сообщает.

– А почему тогда продолжают гибнуть пингвины и белые медведи?

– Сказанул! Сведения у тебя устаревшие. Пингвины и медведи уже давно вымерли. Эволюция.

– Какая к черту эволюция?! – сорвался Велт. – Инволюция, а не эволюция. А «озоновые дыры» – это совсем не то, о чем вам талдычат ученые. Они просто придумали такое безобидное, совсем не страшное локальное название этому глобальному процессу. Чтобы население не паниковало и не сносило подчистую гнилые коррумпированные правительства. Как придумали названия «выброс» и «авария» атомным взрывам-катастрофам в Чернобыле и Фукусиме. Замылили и спрятали серьезную проблему, касающуюся выживания не только всего человечества, но и самой жизни на Земле.

– И какую же?

– Бесконтрольное и систематическое уничтожение лесов, этих мехов планеты, вырабатывающих кислород. Озоновый щит, как известно, состоит из ионизированного кислорода, предохраняющего Землю от космического излучения. Чем меньше кислорода, тем меньше озоновый щит. Тем проще излучению прорваться сквозь него и достигнуть поверхности планеты. И выжечь всю растительность, убить все живое. Как сейчас обстоят дела с лесами Сибири и Амазонки?

– Ну, Сибирь китайцы уже всю вырубали. Амазонку – наполовину. В Африке леса пока еще сохранились.

– А в остальном на планете?

– Мурман, Аляска, да, в общем-то, весь север, все Заполярье – голые скалы, ни травинки. Там никто не живет.

– Это оттого, что на полюсах озоновый щит истончился настолько, что космическая радиация беспрепятственно достигает поверхности и выжигает все похлеще атомной бомбы. Конец человечества все ближе и ближе. Уже не фигурально, а по-настоящему, рубят сук, на котором сидят. Необратимый процесс запущен, и остановить его уже никто не в силах. Это уже неуправляемая цепная реакция. Уменьшается количество вырабатываемого кислорода – тоньше становится озоновый слой – больше радиации достигает поверхности – больше гибнет растений – еще меньше вырабатывается кислорода. Но, что самое главное, – человек сам способствует и ускоряет свою гибель, вырубая остатки лесов. А «озоновую дыру» пусть ученые засунут себе... в дыру.

– Ничего, – успокоил его Олег, – скоро сюда переберемся, начнем жить по-новому.

– Сюда? – усмехнулся Вент. – Ты сам-то в это веришь?

– А что не так?

– Статистика говорит обратное.

– Причем здесь статистика?

– Притом, что глаза открывает тебе, олуху!

– Без оскорблений, пожалуйста!

– Давай проанализируем. Что мы имеем в активе и что в пассиве. Начнем с пассива. Затраченные громадные ресурсы всех стран на строительство и отправку сюда кораблей и оборудования, около полутора тысяч переселенцев. В активе – оставшиеся примерно триста человек и единственная сохранившаяся станция. Изолированная в резервуаре жизнь, когда в распоряжении целая планета с неиссякаемыми ресурсами. Что еще? Питание, выращенное не в здешнем грунте, а в гидропонике и синтезированное. Выход наружу только в скафандрах из боязни соприкоснуться с внешней средой. Почти как на Луне или Марсе. Но здесь, в отличие от них, атмосфера подходящая и климат. Можно просто в одной рубашке бегать. А мы... – устало махнул рукой Вент.

– Погоди, вот создадим антидот, – попытался утешить его Олег, – тогда и побегаешь. Можно даже без рубашки.

– Ага, – язвительно отозвался Вент, – только шнурки осталось погладить. Сколько вы, биолухи, уже бьетесь над этим антидотом, а толку никакого. И вы его никогда не создадите. Это невозможно.

– Почему же? – ответил Олег. – Все возможно. Возможности человека безграничны.

– Сказала обезьяна, слезая с дерева. Одного вы не можете понять. Это чужой мир. Он создан не нами и не для нас. Эта микрофлора развивалась миллионы, миллиарды лет своим путем, без человека. И она никогда не допустит извне в свой мир чужеродный продукт. Уничтожит его, переработает, усвоит. И продолжит жить своей жизнью. Как жила до этого. А мы здесь – досадное недоразумение, недолговечное и легко устранимое. Как те две станции.

– Сильно сказал, – угрюмо произнес Олег. – Аж тоску нагнал. Ты пытался донести это до руководства?

– Да кому нужны глупые и непрофессиональные мысли какого-то отставного астронома? Этим солдафонам?

Олег согласно кивнул.

– Что тогда делать?

– Ничего. Ничего мы не сможем. Ни я, ни ты. Как ни убеждал я, что освоение Марса – маразм и полный отстой, разве кто прислушался? В Марс все равно продолжали вбухивать огромные средства и тратить ресурсы.

– Чем тебе еще Марс не угодил?

– Да ведь Марс – это прошлое. А в прошлое не возвращаются. Марс уже никогда не ожить. Согласно теории износа когда-то он был похож на Землю, и на нем была жизнь и, вероятно, человек. Когда Солнце было ближе и обогревало сильнее. А потом оно зашлаковалось, стало «темной звездой» на сотни миллионов лет. Затем опять вспыхнуло, разродилось Меркурием и сжалось, отдалившись от Марса настолько, что жизнь там уже не смогла возродиться. Зато возродилась на Земле, которая, ранее похожая на Венеру, получила приемлемые для жизни условия.

Потому я выступал против Марса и предлагал заняться терраформированием Венеры, будущего места обитания человечества. А не лететь сюда, на планету с уже сформировавшимся чужим миром. И не искать планеты для переселения, а возрождать и беречь ту, что досталась нам с рождения. Ведь Земля – единственная планета, где может жить человек. А все остальные – только сказочки и фантазии.

Раздражали военные, торчавшие на каждом углу. Застывшие в неподвижности, с автоматами в руках, они провожали Олега острым пронзительным взглядом, словно врага или шпиона. У него от их взглядов даже холодок пробегал по спине. Но со временем привык и относился к ним как к атрибуту, обычному, хотя и не очень приятному манекену.

Будучи обычным биологом, специализирующимся по еще живущей, а также вымершей биосфере Земли, Олег не мог внести весомую лепту в научных исследованиях микробиологов и генетиков лаборатории и был причислен к касте лаборантов. Представители высшей касты работали за изолированной прозрачной перегородкой, корпя над созданием новых образцов вакцин. Лаборанты же получали такие образцы и испытывали на местных микробах. В каждом отсеке находились микробиолог и лаборант, разделенные перегородкой. Олег достался микробиологу по имени Войцех. Со временем у них установились дружеские отношения. Одного возраста, схожие интересами, взрывной и ехидный Олег и флегматичный Войцех сошлись характерами и даже после работы особо не стремились расстаться. Вместе тренировались в спортзале, подтрунивали над неподвижными часовыми, допоздна засиживались

в баре за рюмкой виски, которым окрестили синтезированный химиками этиловый спирт, разбавленный водой. Иногда к ним присоединялся Вент, и тогда пирушка переходила за грань допустимого.

Волны мерно набегали на песчаный берег и откатывались назад. Золотистое небо приятно согревало, мир и покой разливались по телу.

Внезапно очередная волна вынесла на берег врага. Длинное членистое тело гигантских размеров билось о твердый берег, Многочисленные перья-отростки неистово загребали песок, стремясь завоевать сушу. Олег видел его со всех сторон одновременно, в мельчайших деталях. Реакция была мгновенной. Олег кинулся на врага... одновременно со всех сторон. Сотни, тысячи Олегов вцепились в тело пришельца, вгрызаясь и проникая внутрь. И разрушая все на своем пути. При этом наблюдая врага как изнутри, так и снаружи. Это никак не укладывалось в голове, но это было.

Существо, подергавшись, обмякло и застыло. Многоликий Олег с удовлетворением принялся поедать его. Изнутри и снаружи.

Рвотный рефлекс скрючил Олега. Вскинувшись, он замотал головой, стремясь избавиться от наваждения. Странный сон. Невозможный. Невозможно смотреть двумя глазами одновременно со всех сторон, снаружи и изнутри. Это вне пределов человеческого понимания. От такого можно сойти с ума.

Остатки сна таяли. Олег осмотрелся, но ничего не увидел. Его окружала тьма. Еще один сон? Из одного сна в другой? Невозможно!

Взяв себя в руки, Олег попытался успокоиться. Нет, это не сон. Все легко и просто объяснимо. Сейчас ночь, свет выключен. А он лежит на своей постели. Вот только она что-то не слишком мягкая, – Олег похлопал по твердой поверхности, на которой лежал. – Нет, не постель. Что тогда? Надо включить ночник. – Но и ночника за головой не оказалось. А с ним и стены.

Олег поднялся и принялся осторожно передвигаться, вытянув руки перед собой. Уткнулся в стену. Пошел вдоль ее. Угол, поворот, другая стена...

Обойдя по кругу, Олег определил, что он находится в закрытом помещении квадратной формы, пустом абсолютно. Ни кровати, ни столика, вообще ничего.

– Спокойствие, – убеждал он себя, – главное – спокойствие. Надо лишь вспомнить, как он здесь оказался. Что было до этого, что было вчера? Тогда станет ясно и понятно.

Но ничего не вспоминалось. Вернее, вспоминалось кое-что, но с трудом, и обрывками. Они с Войцехом сидят в баре, пьют виски... Пустота.... Они уже втроем с Вентом в баре... пьют виски.... Пустота.... Какая-то девица.... какой-то мужик...

Дальше ничего не вспоминалось. Только ошутимо заныло лицо, и заболели ребра. Олег дотронулся до лица и отдернул руку. Левая скула вздулась, глаз заплыл и, похоже, не открывается совсем. Правый – в норме. Значит, темнота постоянная, правый глаз не обманет.

Внезапно вспыхнул ослепляющий свет. В открывшийся люк вползают какие-то силуэты.

– А, знакомое лицо! – слышится голос. – Мой любимый рекрут. А я уж было соскучился. Но знал, что еще свидимся.

– Полковник Смит? – прошепелявил разбитыми губами Олег.

– Он самый.

– Где я?

– В месте, которое по тебе давно скучало. Которое будет твоим самым любимым и самым посещаемым, – в голосе Смита послышалось злорадство. – В карцере.

– Понятно, – пробормотал Олег. – А за что?

– Ты не помнишь?

– Нет, – помотал Олег головой. – Вот тут помню, а тут не помню.
– Ясное дело. Так набратся вчера в баре. Да еще драку затеять.
– Пускай не лезут. Да и чем еще заняться добрым молодцам здесь, – кривя непослушными губами, съехидничал Олег, – на досуге. Единственное развлечение, ваша честь. Каюсь.
– Оживаешь, смотри, – зарычал полковник. – Посмотрим, как ты запоешь через пару суток.
– Мне нельзя здесь задерживаться. Работа встанет. Мой напарник без меня ничего сделать не сможет.
– Не беспокойся, не встанет. Потому как твой напарник сейчас в соседней камере. И звездочет – тоже. Вся компашка в сборе. Отдыхайте пока.
Люк захлопнулся, камера опять погрузилась во тьму.
– Что здесь, что там – все одно, – философски подумал Олег. – База, по сути, тюрьма. Одна большая тюрьма.

– Неплохо выглядишь! – рассмеялся Вент, когда Олег появился в каюте. – Учитывая, что наехал на внешника. Внешники – они такие. Звери.
– Ничего не помню, – помотал Олег головой. – А ты помнишь? Что было? Расскажи.
– Ну, что ты в стрингах и лифчике танцевал на столе, рассказывать не буду.
– Я что, в лифчике был?! – ужаснулся Олег. – Откуда он у меня?
– Да это я пошутил. Не танцевал ты на столе. Мы тогда крепко нарезались. Потом тебя на девицу какую-то потянуло. Стратову, ее парню это не очень понравилось. Он из внешников. Работают снаружи, территорию внутри периметра выжигают огнеметами. Они, считай, по краю ходят, погибают часто. Смертники, в общем. Туда непокорные попадают. Вот еще побуянишь разок-другой – и тоже во внешники попадешь.
– И ты.
– Нет, я не попаду. Я – особый. Мне этот статус не грозит. Потому как я – единственный на базе астроном. А вас, биологов, пруд пруди.
– — М-да, стоит пригорюниться, – вздохнул Олег.
– Да не переживай. У них жизнь интереснее, чем у вас, сидящих взаперти с пробирками.
– Пожалуй, тут ты прав, – согласился Олег. – Чего терять! Когда в кабак?
– Ты сперва морду лица в порядок приведи. А то как-то неловко на людях появляться в таком обществе.
– Ну, твой фейс выглядит тоже не лучшим образом. По крайней мере, полкабака могут избежать.

Олег покачал отрицательно головой.

Очередной опыт оказался, как и предыдущие, безуспешным. Оставшиеся в живых микробы оживились, резво накинулись и сожрали новый препарат, а заодно и тела своих мертвых собратьев.

Войцех вздохнул и уныло опустился на стул.

Олег, пожалев грустившего друга, стукнул о стекло и постучал пальцем по своему кадыку. Войцех кивнул.

Вент уже скучал с рюмкой за стойкой бара. Друзья, запасшись выпивкой, уединились в углу за столиком.

– Без баб! – предупредил Олега Вент. – Во избежание повтора.

– Постараюсь, – кивнул Олег. – Но ты на всякий случай придержи меня. А то мало ли что...

– О чем грустим?

- Опять, – вздохнул Войцех, – не получилось.
- И не получится. Я Олегу уже объяснял, почему.
- Рассказывал. Но мне что-то не очень хочется этому верить.
- Конечно, не хочется. Вы уже не один десяток лет бьетесь, а все равно не верите. Дегенераты упертые!
- Вент, не нагнетай, – предупредил Олег. – И так тошно. И ты должен меня контролировать, а не нарываться.
- Ладно, – успокоился Вент. – Ну, давайте хоть отметим. Победа или поражение – это не важно. Все равно результат, хоть какое-то событие.
- И повод, чтобы напиться, – добавил Олег.
- Да ну вас! – отозвался Войцех, но рюмку поднял.
- Они чокнулись, выпили.
- О, знакомая личность! – восторженно воскликнул Вент. – Легенда. Редко сюда заглядывает. Сейчас познакомлю. Руди! – крикнул он. – Давай к нам.
- Вошедший, пожилой человек лет сорока, оглянулся на крик и направился к их столику.
- Присоединяйся. Это мои друзья – Олег и Войцех.
- Руди, – представился тот. – Приятно познакомиться.
- Да садись ты! Сейчас рюмку принесу, – Вент убежал к стойке. Вернулся с рюмкой и бутылкой виски.
- Это чтобы лишний раз не ходить.
- Ох, чует мое сердце что-то недоброе, – вздохнул Олег.
- Да не бойсь, – хлопнул его по плечу Вент. – Я позабочусь, обещал же.
- Утомили по паре рюмок.
- Руди, – объяснил Вент, – из старожилов. Динозавр Новой, можно сказать. Сколько лет ты здесь? Я запомнил.
- Девятнадцать.
- Ого! – удивились друзья. – Счастливчик! Везет же кому-то.
- Какое тут везенье? – ответил Руди. – Судьба, видать, такая. Рок. Тяжкий рок. Вот и юбилей уже приближается, а я до сих пор жив.
- С какой ты экспедиции?
- С восьмой. Геолог я. И, пожалуй, единственный. Как вот этот чудик, – кивнул Руди на Вента.
- А где остальные?
- Все уже давно погибли. Тогда еще не знали толком об опасности. Я один остался. Никому не нужный.
- Почему не нужный? Ненужных сюда не отправляют.
- Ненужный потому, что делать здесь мне нечего. Вокруг станции все уже давно обследовано, а на выезд не пускают. Опасаются, что какую-нибудь заразу принесу. Вот и торчу без дела. В уборщики переqualificировался, чтобы хоть какую-то пользу приносить обществу. А не торчать, подобно некоторым, – искоса глянул Руди на Вента, – задрал глаза в потолок.
- А я гадаю, – парировал Вент, – какая зараза меня каждый день хлоркой травит.
- Если бы не хлорка, давно бы коньки откинул. Все бы откинули. Как на других базах.
- А что, хлорка убивает местных микробов? – заинтересовался Олег.
- Напрочь. Ни один не выживает.
- Войцех! – глянул Олег на друга.
- А что Войцех? – отозвался тот. – Знаю я. Пробовали. Ну и что? Хлорка и человека также легко может убить. Не вариант.
- А если какой-нибудь другой вариант?
- А мы, как ты думаешь, чем занимаемся? Как раз такими вариантами.

- Но мы, как я заметил, занимаемся, в основном, органическими вариантами.
 - Естественно. Неорганикой организм не напичкаешь.
 - А органику местные организмы усваивают всю. Любую, даже крайне ядовитую. Похоже, такая у них была эволюция. Оттого у нас ничего не получается. И не получится никогда.
 - А что ты предлагаешь?
 - Неорганику.
 - Я же уже сказал, что хлорка – не вариант.
 - Но есть другие вещества. Вся таблица элементов Менделеева в нашем распоряжении.
 - Ну, не вся, допустим, – вставил слово бывший геолог.
 - Вот! – торжественно произнес Олег. – Руди нам и поможет. Он-то знает, какие здесь элементы имеются.
 - Нам не очень-то много известно о здешних материалах, – ответил Руди. – Всю планету исследовать не успели. Вымерли.
 - Но хоть что-то имеется?
 - Имеется. Давайте-ка завтра ко мне в лабораторию. Там и разберемся.
 - Пожалуй, и я присоединюсь, – сказал Вент.
 - А ты-то чем помочь можешь, звездочет?
 - Есть у меня одна идея, по которой я могу точнее тебя, геолога, определить, из каких элементов состоит эта планета.
 - Теория износа? – спросил Олег.
 - Она самая, – ответил Вент.
- Повеселиться не получилось. Мысли собутыльников были заняты другим. Загубив еще несколько рюмок, но, так и не допив бутылку, они разошлись.

На следующий день все собрались в геологической лаборатории.

– Давно сюда не заходил, – Руди суетливо стирал пыль со столов.

Он включил компьютер, и все уставились в монитор.

– Набор стандартный, – пояснял Руди, выводя на него таблицы и диаграммы, – как на Земле. Гнейсы, сланцы, кварциты, окислы кремния. В основном, углерод, и кремний в различных соединениях с кислородом и водородом. Также присутствуют медь, железо, алюминий, никель и другие, но в меньших количествах, чем на Земле.

– Я подозревал, – загадочно произнес Вент.

– Что подозревал?

– Что Новая – это не Земля.

– Ясное дело! – усмехнулся Руди. – Открытие сделал! Новая – это Новая.

– Не Земля, – продолжил Вент, – а, скорее, Марс. Если смотреть по аналогии с Солнечной системой.

– Расшифруй, – попросил Олег. – Это с точки зрения твоей теории?

– Да. Прикиньте. У Солнца девять планет. Вообще-то у него их пятнадцать, если считать по-полной, но ученые считают, что девять. Что вносит путаницу и непонимание. Но не будем брать ошибочное мнение ученых. Гелиос немного больше Солнца по размерам. Расстояния... сейчас, – Вент достал из кармана флэшку и воткнул в разъем компьютера. – Я ранее построил кривую системы Гелиоса и сравнил с кривой Солнечной системы. Имеются некоторые различия. Смотрите. Здесь следующая от нас планета – я назвал ее по аналогии Юпитером – такой же яркости и, думаю, размеров, что и Юпитер Солнца. И на таком же приблизительно расстоянии от звезды. Значит, между Новой и им должен находиться пояс астероидов. Но он невидим, и найти его, особенно отсюда, очень сложно. Что отсюда следует?

– Что?

– Что Новая – это Солнечный Марс. А та планета, которую я нашел ближе к Гелиосу, – Земля. А не Венера. И тогда значения линий износа системы Гелиоса и Солнечной системы совпадают и ложатся в единую расчетную схему. А Вулкана еще нет, он появится примерно через семьсот миллионов лет.

– А ведь, пожалуй, Вент прав, – произнес Руди. – Ведь год здесь длится почти столько же, сколько и у Марса.

– Зато сила тяжести отличается, – возразил Олег.

– Она и от силы тяжести Земли отличается. Здесь что-то другое сказывается, Размер, может, масса.

– Ладно, будем считать, что это не аргумент. Но что это нам дает?

– У каждой планеты свой состав элементов. Звезда по мере старения и износа уплотняется, и в шлак вырабатываются все более тяжелые элементы. Дело в том, что звезда не вечна. Она горит, излучает энергию в пространство, отходы горения выдавливаются в виде шлака на поверхность. И из этого шлака в дальнейшем образуются планеты. Если первые планеты – газовые, то последующие, особенно рождающиеся после пояса астероидов, уже твердосплавные. И состоят уже не из газообразных элементов, а твердых – металлов и неметаллов. Причем с каждым рождением эта твердость и плотность увеличиваются. Проще говоря, чем ближе планета к солнцу, тем тяжелее и сложнее ее элементы. Поэтому предполагаю, что золота вы здесь не найдете. И трансурановых элементов. Как и на нашем Марсе. Поэтому предлагаю исходить из того, что набор элементов Новой идентичен составу Марса. А что имеется на Марсе, мы знаем.

– Но тогда получается, что Новая – такая же бедная на ресурсы планета, что и Марс?

– Выходит, что так.

– Но мы же нашли здесь и медь, и железо, и другие вещества.

– В незначительных количествах, – уточнил Вент.

– Да, – согласился Руди.

– Это допускается при образовании планет. Звезда горит вся, как во внешних слоях, так и в глубине. И шлак выдавливается как тот, так и другой.

– Я так и не понял, чем это может помочь в наших исследованиях, – вставил слово молчавших до сих пор Войцех. – К меди, железу, алюминию микробы относятся лояльно, не реагируют.

– Но зато могут отреагировать на другие элементы, – объяснил Олег. – Особенно на такие, которых здесь нет. С которыми они за всю свою длительную эволюцию не соприкасались. И против которых у них, следовательно, не мог выработаться иммунитет.

– От трансуранов ни у кого иммунитета нет. Дохнут моментально.

– И человек тоже. Не думаю, что кому-то захочется хапнуть радиации ради того, чтобы уберечься от бактерий, но все равно сдохнуть через несколько дней. Надо найти такие элементы, которые безвредны для человека, но неизвестны этому миру.

– Дельное предложение, – согласился Вент. – Давай, гений, предлагай!

– А что я могу предложить? – возразил Олег. – Я не геолог. И не химик. И даже не астроном. Это уж вы ищите и предлагайте. Химиков подключите. А мы уже потом ваши предложения обмозгуем, исследуем, испытаем и дадим ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.